

— Вѣдь я уже разъ оказался несостоятельнымъ, а потому и не довѣряю больше самому себѣ.

Она, поблѣднѣвъ, какъ смерть, опускаетъ глаза.

— Это была моя вина, — тихо отвѣчаетъ она.

— Нѣтъ! не ваша. Можетъ быть, то обстоятельство, что вы опоздали въ тотъ день, только ускорило развязку, но она была неизбѣжна.

— Поступайте, какъ считаете лучше, — лепечетъ она въ слезахъ.

— Если такъ, то я остаюсь; я считаю за лучшее остаться. Обстоятельства перемѣнились. Я тогда былъ захваченъ врасплохъ. Теперь я буду на-сторожѣ. Теперь вы можете быть вполне спокойны.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? — вздрагиваетъ она, испугавшись, хотя, быть можетъ, и слишкомъ поздно, его отчаяннаго взгляда и дикаго торжества въ глазахъ: — увѣрены ли вы?

И въ продолженіе цѣлой недѣли имѣть случай сама убѣдиться въ этомъ.

— Какъ это несносно! — говорить съ досадой миссисъ Чорчилъ.

Время какъ разъ послѣ завтрака и она сидитъ за столомъ, передъ раскрытымъ пюпитромъ, на которомъ лежатъ разныя бумаги и въ числѣ ихъ счетъ изъ гостинницы. Обычная ясность духа измѣнила ей. Содержатель гостинницы только-что вышелъ изъ комнаты.

— Такъ какъ мы въ родствѣ, то трудно объяснять всѣмъ и каждому, что мы не отвѣтственны за его эксцентричности, — продолжаетъ миссисъ Чорчилъ съ усиливающейся досадой.

— Небо такъ, очевидно, создало васъ другъ для друга, что никакъ нельзя разубѣдить ихъ въ томъ, что вы не мужъ и жена, — говоритъ Сара веселымъ голосомъ, стоя у окна. — Я видѣла недоувѣріе въ глазахъ содержателя гостинницы, когда вы такъ старательно объясняли ему, что онъ вашъ внукъ; онъ очевидно дивился, зачѣмъ вы говорите такую явную и вздорную неправду.

— Онъ спорить изъ-за всякаго гроша, я увѣрена, что они охотно заплатили бы ему, только бы онъ уѣхалъ, — продолжаетъ миссисъ Чорчилъ, съ негодованіемъ. — Кончится тѣмъ, что онъ насъ выживетъ отсюда! Ахъ! Белинда, душа моя, ты здѣсь? прости пожалуйста, но слово не воробей: вылетитъ — не поймаетъ, и ты, право, вступишь въ комнату точно тѣнь какая, такъ что и не услышишь.